Л.И.Щеголева

ПРИМЕТЫ САМОВЫРАЖЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА В ТЕКСТЕ СЛАВЯНОРУССКОГО ПЕРЕВОДА “ХРОНИКИ” ГЕОРГИЯ АМАРТОЛА

С принятием христианства началось приобщение русского общества к литературе византийского православного мира. На Русь пришло огромное количество богословской и богослужебной литературы — сначала в виде болгарских переводов, потом в виде переводов, сделанных на Руси.

Большое распространение получила византийская историческая литература, так называемые хроники. Своего рода энциклопедией для средневекового русского читателя была “Хроника” византийского монаха Георгия по прозвищу Амартол (“Грешник”). Проникновение этой “Хроники” в русскую литературу прослеживается в том, что она широко использована в древнерусских исторических компиляциях, в виде больших и малых извлечений попала в оригинальные древнерусские произведения исторического жанра.

“Хроника” Амартола была популярна и в Византии, она имела устоявшуюся богословскую ценность, была проверена временем, обладала преимуществом перед другими византийскими хрониками в силу своей хронологической полноты.

Как литературная компиляция, “Хроника” Амартола охватывала все те произведения, которые к средневизантийскому времени входили в сферу христианской словесной культуры. Не удивительно, что именно это историческое произведение пришло на Русь в числе первых книг наряду с сугубо богослужебными.

Значение “Хроники” Амартола для Руси состояло не только в том, что она знакомила недавно христианизированное общество с событиями “всемирной истории” и позволяла ему осмыслить свое место в русле этой истории. Вместе с историей “Хроника” давала представление о философских и богословских концепциях раннего христианства, развитых в трудах “вселенских учителей” (Григория Назианзина, Василия Великого, Иоанна Златоуста и др.), а также о философских идеях античности, осмысленных раннехристианскими писателями. Это про-

изведение принесло на Русь выработанное веками философское мировоззрение, системы христианских ценностей, понятия о добре и зле, о добродетелях и пороках, об отношении к Богу.

Насколько эти понятия были восприняты образованным слоем древнерусского общества, представителем которого выступал книжник-переводчик, можно судить, исследуя его манеру перевода, места, где он допустил усиление или смягчение оригинала, его характерные ошибки.

Казалось бы, что нового можно внести в перевод — в особенности при той жесткой установке на буквальное следование оригиналу, которая с книг богослужебных распространялась в той или иной степени и на всю раннюю переводческую деятельность? К счастью для исследователя, славянорусский перевод "Хроники", несмотря на его буквальность, несет в себе достаточно проявлений самостоятельности своего творца — как в части свободных замен и вставок-толкований (глосс), так и в части уклонений от греческого оригинала, квалифицируемых как ошибки.

Именно эти места позволяют наметить некоторые штрихи к социально-духовному портрету переводчика.

Сравнение с греческим параллельным текстом как метод исследования древнего памятника обязывает исследователя к скрупулезной работе над текстологическим пространством. Для каждого случая текста, рассматриваемого как факт истории и культуры, должно быть прежде всего установлено его место в системе текстов данного памятника, должна быть доказана его отнесенность к протографу.

Вслед за текстологической достоверностью следует лингвистическая. Соответственно с этим настоящая статья по необходимости затрагивает три аспекта: установление протографа перевода с использованием всех известных списков, установление лингвистических оснований смысловых подмен, историко-филологические предположения о работе переводчика.

I

Пришедшее на Русь произведение, получившее в переводе название "Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха", содержит собственно "Хронику" Георгия Амартола и ее "Продолжение".

Георгий был монахом одного из константинопольских монастырей и написал "Хронику" примерно в 60-е гг. IX в.[1]. В ней в христианском духе излагается история от Адама до времени жизни Амартола (до 842 г.), в "Продолжении", написанном сто лет спустя, изложение доводится до 948 г.

Перевод "Хроники" дошел до нас в 16 русских списках начала XIV — XVII вв. Язык перевода — церковнославянский русского извода, или, как его еще называют для краткости,

славянорусский. Этот перевод, как считают вслед за В.М.Истриным многие ученые, был сделан в середине XI в. при дворе Киевского князя Ярослава Мудрого[2].

Обстоятельства, сопровождавшие перевод, остаются в основном неизвестными.

Древнейший список перевода — Троицкий, или Тверской; он издан В.М.Истриным[3] наборным шрифтом, снабжен необходимыми реставрациями и вариантами по семи другим спискам, известным ко времени этого издания, а также греческими параллелями к вариантам.

Следующим за Троицким по древности идет Эрмитажный список, неизвестный В.М.Истрину[4]. Он принадлежит той же редакции, что и Троицкий, и так же, как и Троицкий обрывается 553 годом — событиями пятого вселенского собора.

Из числа греческих списков "Хроники" наиболее близким к Троицкому списку считается Коаленев кодекс, впервые изданный К.де Боором[5]. К тексту даются разночтения по 16 другим греческим кодексам. Недостающие греческие параллели были изданы В.М.Истриным по Венскому и Ватиканскому кодексам[6].

Объектом настоящего исследования была смысловая сторона перевода, методом исследования — интегральное, сплошное сопоставление всей смысловой ткани греческого текста "Хроники" и ее славянорусского перевода. Такое сопоставление возможно на протяжении всего текста перевода в силу того, что перевод сохраняет количество слов и порядок следования синтаксических групп греческого оригинала. Основой сличения были типографски изданные Коаленев кодекс (Ко) и Троицкий список (Тр), однако сличение не ограничилось парой текстов Ко — Тр. И тот и другой текст рассматривались в совокупности имеющихся списков, с учетом текстовых вариантов, указанных в изданиях К.де Боора и В.М.Истрина а также с учетом Эрмитажного списка.

В качестве первого этапа работы мы устранили из рассмотрения те смысловые отклонения от греческого, которые возникли не при переводе, а при переписке уже славянорусского текста. Иначе говоря, мы восстановили слова перевода, испорченные на всех этапах переписки текста, ставшего Троицким списком. Объем восстановленных слов огромен, что было отмечено В.М.Истриным, который в своем "Исследовании"[7] привел в качестве примера около полутора сотен случаев порчи в Троицком списке.

Характер и способ восстановления можно видеть из следующего иллюстративного списка: въ градѣ И304/12 вм. 'в громах' *въ громѣ εν κεραυνοις Б443/2; воиноу И283/1 вм.'причину' *виноу την αιτιαν Б410/11; безъ И359/6 вм.'бесов' *бѣсъ δαιμονων Б538/3; нижересъ И326/24 вм. 'который ересь'*иже ересь ο την αιρεσιν Б447/188.

В тексте Троицкого списка (а также и в других списках) находим слова: въ градѣ, воиноу, безъ, нижересъ (слова текста имеют отсылки к странице по изданию В.М.Истрина, с литерой И). В греческом тексте находим соответственно слова, имеющие в нашем фрагменте отсылки к странице по изданию К.де Боора с литерой Б. Под звездочкой указаны слова, принадлежащие, по нашему предположению, переводчику и испорченные при первом же редактировании.

Последовательное сопоставление каждой текстовой единицы перевода с ее греческой текстовой параллелью позволило, далее, выявить пласты смысловых несоответствий, причины которых восходят или к процессу перевода, или к вариативности в греческих списках. Представление о них могут дать следующие примеры (не приводя текстовых слов, которые будут анализироваться ниже, здесь проиллюстрируем само смысловое несоответствие, обозначив его перечеркнутой стрелкой):

греческий		перевод
"умоляющий"	↛	"раб"
"следует понимать"	↛	"исчезло"
"простой"	↛	"высокий"
"не был обвинен"	↛	"не просил"
"окружало"	↛	"раздирало"
"оскорбленный"	↛	"издревле сущий"
"уловляющий"	↛	"творящий"
"узна́ют"	↛	"убоятся"
"трехчастная"	↛	"трехдневная"
"устройство"	↛	"красота"
"случай"	↛	"беседа"

Число подобных смысловых расхождений на объеме 273 листа (с оборотами) Троицкого списка (412 страниц в истринском издании) доходит до пяти сотен. Это достаточно много, чтобы смысловые уклонения от греческого были ощутимы и чтобы были заметны тенденции уклонений.

Случаи смысловых несоответствий распределены по тексту равномерно, если не считать особо трудных для перевода мест. Наиболее трудным для перевода оказались цитаты из сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита (V в.), и здесь лексико-семантические неудачи сопровождаются невразумительностью синтаксических связей. Особое место с точки зрения перевода занимает предисловие: на три страницы истринского текста приходится более четырех десятков смысловых отклонений. Можно, однако, посочувствовать древнему переводчику: в этом коротком вступлении автор как будто задался целью продемонстрировать все свое риторическое мастерство.

II

Обратимся к лингвистическим основаниям обсуждаемых смысловых подмен. Интересно, что для подавляющего числа слов можно воссоздать логику, руководившую переводчиком в выборе смысла, оказавшегося неадекватным. Ошибка возникала из-за того, что на месте предъявляемого греческого слова переводчик видел другое, и это другое переводил точно и искусно.

В развитие этого подхода мы построили классификацию неадекватных переводов по признаку того, на каком этапе мыслительного процесса перевода произошел сбой (см. приложение). Смешение одинаково или похоже звучащих греческих слов (1 тип) — наиболее простая причина, она лежит в тексте. Это в чистом виде случай, когда за одним греческим словом переводчик "воображал" (если воспользоваться словом В.М.Истрина[8]) другое греческое реальное слово. Иное дело — ложный путь в формообразовательном (2 тип) или словообразовательном (3 тип) анализе. Здесь подмена происходит на уровне грамматической парадигмы: реальное греческое слово представлялось переводчику в другом, не в его собственном формообразовательном или словообразовательном ряду. Подмена значения многозначного греческого слова (4 тип) выявляет ложный путь в еще более тонком и глубоком механизме: здесь смешивались не материальные слова, а значения. В типах 5 и 6 показан путь перевода, очевидно демонстрирующий уверенность переводчика в правильности понимания. Он свободно заменяет смысловой эквивалент на слово-логический вывод (5 тип), прибавляет к переводу грамматически необходимое слово (6 тип).

Прокомментируем более подробно лингвистические механизмы перевода, показанные на схемах обобщенно в виде стрелок и смысловых узлов.

Предположение о греческой вариативности как наиболее вероятной причине отступления славянского перевода от греческого оригинала является общим местом в методике исследования древних переводов начиная с работ И.В.Ягича[9]. Исследователи обычно применяют силлогизм: если возможно отнести ошибку на счет греческой вариативности, то следует отнести ее к греческой вариативности. Исследование ошибки на этом заканчивается. Однако, как нам представляется, из ошибок этого типа можно получить больше. Рассмотрим, как возникает вариативность в греческом.

Греческий язык обогатился одинаково звучащими словами вследствие действия ряда фонетических процессов, которые завершились к I в. н.э., а именно: монофтонгизации дифтонгов, изменения качества гласных η и υ, утраты начальных гласных в некоторых словах. Появились омофоны, а за ними и смешение слов в греческих текстах: καινος 'новый' — κενος 'пустой', μισος 'ненависть' — μυσος 'позор' — χριστος 'помазанный' —

χρηστος 'благой' и т.д. Омофоны (если они как-то соприкасаются и по смыслу) смешиваются в различных греческих памятниках — смешиваются они и в кодексах "Хроники" Амартола, что отражено К.де Боором в разночтениях к Коаленеву кодексу. Отсюда вероятность смешения на греческой почве и тех слов, которых нет в разночтениях де Боора: они могли быть смешаны со своими омофонами в утраченном списке-оригинале, например, там могло быть εκλειπτεος вместо εκληπτεος, οικετης вместо ικετης как "орфографическая" ошибка.

Что же можно извлечь из этого допущения?

По многочисленным источникам известно, что техника перевода в века раннего христианства и позже была очень сложной. В процессе перевода могли участвовать: чтец переводимого текста, переводчик (или два — с переводом на промежуточный язык), скорописцы, чистописцы[10]. Есть основания думать, что на Руси в XI использовалась эта традиционная техника, принятая и в Византии, и на Западе. Скорее всего переводчик воспринимал греческий текст на слух. Отсюда следует, что переводчик руководствовался не столько графическим обликом слова, сколько его звучанием[11]. Для понимания истоков ошибки при переводе омофона для нас важно, очевидно, не то, что в греческом тексте могла быть орфографическая ошибка и что смешение омофонов можно отнести на счет греческого текста,— важно, что это смешение можно отнести на счет переводчика. Ведь переводчику было предъявлено одно звуковое слово с двумя значениями (что бы там ни было написано) — и ему нужно было быстро выбрать одно из двух его значений. Именно поэтому неважно, было ли в греческом тексте οικετης или ικετης, εκλειπτεον или εκληπτεον.

Например, в "Путятиной минее" — памятнике и других условий перевода, и другого жанра — находим: "молитвьникы" — помоли ся за молитвьникы си небрачьна д(ѣ)во[12], в то время как в греческих рукописях в этом месте находим то ικεται (= молитвьникы), то οικεται ("рабы"): "молись за молящих тебя" ικετευε υπερ των ικετων σου[13]; "молись за рабов твоих" ικετευε υπερ των οικετων σου [14].

Вариативность в списках минеи обращает нас к проблемам византийской гимнографии: какой из вариантов принадлежит авторскому стиху, а какой испорченному? Тема мольбы имеет как будто поэтические преимущества из-за лексико-смысловой переклички "молись" — "за молящих", хотя именно "рабская" тема отражена в действующих ныне греческих и церковно-славянской минее.

В "Хронике" перевод слова ικετης (или οικετης?) словом рабъ оборачивается следствиями для русской культуры. Так, в знаменитом и единственном в своем роде рассказе о переписке Христа с Авгарем из "Церковной истории" Евсевия Кесарийского (IV в.)[15] говорится о том, как Авгарь просил избавить его от

болезни (кн.1, гл.8). Так и цитирует Амартол: Авгарь "стал просителем (ικετης) Христа через письмоносца, считая исцеление от болезни найденным" Б312/15. В переводе "Хроники" это место звучит так: рабъ Х(ри)с(то)въ грамотоносець быс(ть) моляся о(т) недоуга разрѣшение обрѣсти И222/26.

При этом переводчик не учел той тонкости, что словом οικετης (1. "домочадец"; 2. "рабъ") в Ветхом Завете и в раннехристианской литературе называются иудеи в отношении своего Бога. Рабами οικεται названы Авраам, Исаак и Иаков (Исход 32.13); Моисей: "И умер там Моисей, раб (οικετης) Господень, в земле Моавитской, по слову Господа (Второзаконие 34.5); иудейский народ ("Апостольские постановления" 6.20.10). В Ветхом Завете οικετης синонимично слову παις (1. "отрок"; 2. "раб"); В отношении же христиан начиная с Нового Завета употребляется другое слово — δουλος (1. "раб"; 2. "слуга"), синонимичное словам διακονος и υπερετης ("служитель"), как Христос называет своих последователей (например, в Евангелии от Иоанна 12.26 и 18.36).

В славянском (и в русском Синодальном) переводе Библии это различие утрачено. Слуги (δουλοι) Христа, как и рабы (οικεται) Яхве, называются словом "раб": и н(ы)нѣ г(оспод)и ... даждь рабомъ (τοις δουλοις) твоимъ съ всѣмъ дерзновенïемъ гла(гола)ти слово твое (деяния Апостолов. 4.29)[16]. Не чувствует этого различия и переводчик "Хроники".

Итак, наш переводчик делает смелую замену. Справщики, работавшие над переводом "Хроники" в начале XII в.[17], не усомнились в ней — и "раб Христов" вместо "проситель Христа" в этом рассказе принимается древнерусской исторической прозой через Архивский хронограф (XV-XVII вв.): рабъ Х(ристо)в грамотоносецъ бысть моляся о(т) недуга раз(д)рѣшенiе обрести (л. 392б)[18].

Смешение графически (и фонетически) похожих греческих слов могло происходить и на греческой почве, и в процессе перевода. Принимая во внимание некоторые обстоятельства, сопровождающие смешение, можно и здесь пойти несколько дальше простой констатации двух возможностей. Замены слов без выхода за пределы грамматической категории и без нарушения синтаксиса возможны и в греческом: ευθυς 'вдруг'- αυθις 'снова', ανατροφος 'воспитание'- αναστροφην 'образ жизни', κακουργος 'злодей'- πανουργος 'хитрый'. Но если замена связана с неправильным членением греческого слова, с меной грамматической категории, с нарушением синтаксического согласования и управления или вводит неуместный по контексту смысл,— это дело переводчика. На счет переводчика относим, например, не очень уместное: истиньныи даръ... отроковици ... цѣломудрье схрани И327/16 вместо "но божий дар" как результат прочтения αληθεια 'истина' вместо текстового αλλ΄η θεια

'но божий' Б478/24. Оплошности этого рода в переводе не часты, что отмечал В.М.Истрин[19].

Заведомо переводчику принадлежат смысловые подмены, за которыми стоит неправильное определение исходного глагола для текстовой глагольной формы. Классический греческий язык обладал разветвленной системой глагольных форм с непредсказуемыми чередованиями, с массой уникальных парадигм. Книжник византийской поры вынужден был заучивать парадигмы наизусть. Б.А.Успенский[20] приводит данные о том, что и на Руси высший курс грамотности предполагал знание греческого языка на уровне "схедографии", включающей грамматический разбор и заучивание парадигм глагола на все буквы алфавита. Переводчик "Хроники" в массе искусно распознает и переводит глагольные формы. С другой стороны, не удается упрекнуть его в незнании лексики: любой из глаголов, не распознанный в текстовой форме, где-нибудь в другом месте "Хроники" переведен адекватно. Оплошности в узнавании глагола базируются на подспудных ожиданиях переводчика, ведущих его по ложному пути.

Приведем пример. Амартол цитирует 1 Послание апостола Павла к Коринфянам (3.19), где о Боге говорится: "уловляющий (δρασσομενος) мудрых в лукавстве их", что является парафразой места из ветхозаветной Книги Иова (5.13). В переводе "Хроники" это новозаветное место звучит так: творяи премоудрыя въ проказьствие ихъ (И69/1). В греческой "Хронике", как и в Новом Завете, употреблено причастие настоящего времени от глагола δρασσεσθαι 'хватать, ловить' (производное от δραξ 'горсть')[21], который с древности до наших дней употребляется в сниженно-ироническом значении, в том числе и переносном (также сниженно) 'ловить момент, пользоваться случаем'. Так, по данным словаря Lampe, в произведениях патристики это действие не атрибутируется не только Богу, но и ангелам пророкам, священникам, мученикам. Напротив, отмечено употребление этого глагола в связи с именами отрицательных персонажей, например: "книжники воспользовались (буквально: 'уцепились за') отсутствием Спасителя"[22]. Автор 1 Послания к Коринфянам, пересказывая место из Книги Иова, заменил употребленное там нейтральное καταλαμβανειν 'схватывать' на этот более сниженный глагол и добился тем создания яркого, предметного образа,— но в сознании переводчика такая простота по отношению к Богу оказалась неприемлемой. Он связал δρασσομενος с глаголом δραν 'действовать, совершать'. По-видимому, мысль о Боге Творящем была ему более близкой. Переводчик хорошо знал и глагол δραν , и глагол δρασσεσθαι , но 1 Послания апостола Павла к Коринфянам он скорее всего не распознал.

Смысловые подмены одного значения другим вводят исследователя в зыбкую область лексико-семантических процессов обо-

их древних языков. Проблематично прежде всего решение исследователя об адекватности или неадекватности перевода. Например: можно ли считать неадекватным слово оумрѣть (И281/12) для передачи 'окончится' (Б408/3) или слово ссѣкошася (И285/6) для передачи τελευτήσει 'окончится' (Б408/3) или слово ссѣкошася (И285/6) для передачи συνετμήθησαν 'определены' (Б414/1)? Если судить по имеющимся словарям[23], то оумрѣти говорится о людях, а съсѣщи — о физическом уничтожении, но это еще не значит, что в данном памятнике и в данном месте эти лексемы не употреблены переводчиком именно в значении "окончиться" и "определить, установить", но употреблены пробно, одноразово, не вышли за пределы памятника, остались в истории языка в качестве лексических реликтов. Подмена: συντεμνειν букв. 'отрубать' в тексте перен. 'определять' — съсѣщи — обычный переводческий ход, семантическая калька: переводчик берет буквальное, исходное значение греческого слова, дает его славянский лексический эквивалент и видит за этим эквивалентом всю совокупность значений греческого слова. Такие слова ценны как факты истории становления русской лексики, в них нет смысловых отклонений. Подмена τελευταν , употребленного в тексте в своем первом, исходном значении 'заканчиваться' и переведенного вторым, производным 'умирать', может иметь то же объяснение: греческая модель перехода от 'окончиться' к 'умереть' естественна и в славянском.

Но если выбрано производное (и позднее) значение, к тому же модель развития значений в греческом чужда славянскому,— тут можно предполагать семантическое отклонение. Например, в греческом слове αυθεντης прослеживается история развития значений от 'убийца' до 'господин'[24]; ни в одном славянском языке такой цепочки нет, и трудно предположить, чтобы наш переводчик в слове г(оспод)ье (И119/14) хотел передать смысл "убийцы". Естественнее предположить, что он имел в виду значение "господа́", попав на ложный путь из-за того, что αυθεντης в разговорном языке его времени имело значение "господин".

То же можно видеть в замене συντυχια (= 1. 'случайность', 2. 'беседа', 3. 'болтовня', в тексте 'случайность') на бесѣда в цитате из Толкований на Псалтирь Златоуста[25]: да не естьствьною коею послѣдьствиемь ли бесѣдою соуть створеная да мнятьс(я), но от вышняго помощи И96/5. В греч.: "чтобы естественному какому-либо порядку или случайности (συντυχιας) происшедшее не приписывалось" Б118/14.

Достаточно привести данные словарей, чтобы увидеть причины переводческой оплошности: συντυχια — в классическом языке только "случай"[26]; в языке патристики "случай" и "беседа"[27]; в разговорном языке римского и византийского

периодов только "беседа"[28], в новогреческом "случай" и "болтовня".

В переводческих оплошностях обнаруживаются и художественные находки, свидетельствующие о вкусе переводчика.

В извлечении из очень сложного по смыслу и синтаксису богословского сочинения "О церковной иерархии" Псевдо-Дионисия Ареопагита[29] говорится о "священном устройстве" (διακοσμησις) монашеской жизни (Б337/11) — в переводе в этом месте получилось с(вя)тая красота (И234/11). Так передается διακοσμησις и в извлечении из другого трактата Псевдо-Дионисия Ареопагита, "О небесной иерархии"[30]. Значение 'устройство' для этого греческого слова восходит к классическому периоду, значение 'красота' — современное (в новогреческом διακοσμηση — 'украшение'). Значение 'красота' не отмечено в доступных нам словарях ни для классических текстов, ни для ранней христианской литературы. Можно предположить, что наш переводчик знал его не из книг, а из живого языка своего времени, и в выборе его сработала психологическая причина: хорошо зная оба значения основы — κοσμ — (на странице И510/15, т.е. уже не по Троицкому списку, κατακοσμειν переведено словом оустроити), переводчик поддался ближайшей ассоциации. Однако поддался не случайно: выражение "святая красота монашеского чина" звучит поэтично и возвышенно, оно органично вписывается в контекст восхваления монашества — лейтмотива этой цитаты, и в нем нашло выражение, по нашему мнению, восторженное отношение переводчика к предмету описания.

Итак, в этом разделе мы попытались определить текстологические и лингвистические рамки для совокупности явлений, которые могут быть названы неадекватным переводом. Нам важно было показать, что в тексте очень мало случайных ошибок, которые нельзя было бы объяснить.

Это не случайные ошибки переводчика и не следствие его языкового незнания, а сознательные смысловые замены, возникшие на реальной лингвистической почве и по очевидной психологической ассоциации.

III

Рассмотрим теперь смысловые подмены как свидетельства самовыражения их автора.

Остановимся на смысловых подменах, высвечивающих христианские представления переводчика.

Описывая причины прихода Христа на землю, Амартол цитирует с небольшими изменениями пророчество Иеремии о Новом Завете (31 (38).34): "И (уже) не будут учить каждый ближнего своего и брата своего, говоря: "Познай Господа", ибо

все (сами) будут знать Меня, от мала до велика, говорит Господь, потому что я буду милостив к беззакониям и грехам их" (Б308/6).

Фрагмент "ибо все (сами) будут знать (ειδησουσι) Меня" в переводе "Хроники" выглядит так: ибо вси побоятся мене от мала ихъ и до велика (И215/1). Лингвистический путь, приведший к подмене глагола (см.схему, тип 3), убеждает нас в неслучайности этой подмены. Незнание исходного глагола для будущего времени активного залога ειδησουσι можно исключить: глагол ειδεναι в различных формах встречается в "Хронике" чуть ли не на каждой странице. Переводчик узнал бы его и тут, останови он на нем свое внимание. Причина подмены психологическая: переводчик поддался смешению глаголов и позволил себе увидеть здесь δειδειν, потому что на первом плане у него оказалось убеждение, что Бога надо бояться. При этом он выпустил из вида даже то, что глагол δειδειν в форме будущего времени имел бы медиальное окончание, а не активное, как ειδεναι ; не учел он и того, что подчеркивание боязни перед Богом не слишком уместно в контексте обещания милости, не говоря уже о потере смыслового повтора: "познайте" — "познают". Победило желание соединить образ Бога с подобающим, по его мнению, к нему отношением. Так сквозь жесткую заданность буквального перевода пробиваются мысли переводчика.

Подмены смысла в цитатах из Священного Писания бросаются в глаза; их с недоумением отмечал В.М.Истрин[31]. Однако в свете более общего подхода отступления от канонического текста Священного Писания не выглядят случайными ошибками: за ними можно видеть тот же ход переводческой мысли, что и в несвященных частях "Хроники".

В цитате из книги пророка Иеремии (23.39) переводчик вложил в уста Бога более сильную угрозу, чем текст Писания. В греческом тексте "Хроники" (как и в самой книге Иеремии по Септуагинте) угроза иудеям за употребление выражения "бремя (λημμα) Господа" звучит так: "Вот Я возьму (λαμβανω)[32] и отвергну (ρασσω) вас и город, который Я дал вам" (Б397/8). В переводе: се язъ приимоу и разбью вы и градъ иже дахъ вамъ (И274/25). Формальная лингвистическая причина, побудившая переводчика увидеть вместо ρασσω глагол αρασσω, очевидна: ρασσειν и αρασσειν ("повергать" и "разбивать") близки и по внешнему облику, и по смыслу. В позднем греческом они и объединяются, контаминируясь далее еще с одним глаголом близкой семантики: ρηγνυναι "ломать, разбивать"[33], а потом все три выходят из употребления: в новогреческом ни одного из этих глаголов нет. Однако в языке Септуагинты ρασσειν еще не смешивается с названными глаголами и употребляется в своем собственном значении: "низвер-

гать, повергать". Словарь Liddel-Scott'а дает ряд примеров на это значение[34]. Из Книги пророка Даниила (8.10): "и вознесся (рог) до звезд небесных, и низринулась ερραχϑη на землю (часть) от звезд, и была попрана (часть) от них". Из Книги Премудрости Соломона (4.19): "И после сего будут они бесчестным трупом и посмешищем между умершими навек, ибо Он повергнет (ρηξει) из ниц безгласными и сдвинет их с оснований, и они вконец запустеют и будут в скорби, и память их погибнет". В таком же значении глагол ρασσειν употребляется и в новозаветном койне, правда, уже в более сниженном контексте. О юноше, одержимом злым духом, говорится: "Где ни схватывает его, повергает (ρησσει) его (на землю)" (Евангелие от Марка, 9.18); "Когда же тот еще шел, бес поверг (ερρηξεν) его и стал терзать" (Евангелие от Луки, 9.42).

Среди материала словаря нет примеров из Книги пророка Иеремии, где глагол ρασσειν употреблен два раза в значении, так сказать, морального низвержения, лишения иудейского народа милости Бога за недоверие к слову пророка. В стихах 33 и 39 главы 23 ραξω и ρασσω составляют лексико-семантическую раму — угрозу Бога предмету его недовольства.

Автор "Хроники" передал цитату из Иер. 23.39 точно, переводчик же увидел здесь αρασσειν , тем самым он усилил угрозу, перевел ее из плана морального в план физический, невольно выразив свое представление о том, какое наказание для него страшнее: в то время как в Ветхом Завете угроза быть отвергнутым Богом едва ли не самая страшная из всех, и, конечно, гораздо сильнее физического наказания, для нашего переводчика, по-видимому, все наоборот.

Более суровым представлен Бог в переводе цитаты из Послания к Римлянам: вижь оубо бл(а)г(о)стыню оусѣкновению б(ож)ие (И99/12). В тексте Священного Писания (по Септуагинте) это место звучит так: "Итак, узри благость и строгость (αποτομιαν) Божию" (Рим. 11.12) ιδε τοινυν χρηστοτητα και αποτομιαν ϑεου . В славянской Библии в соответствии со "строгость" находим непощадѣніе[35]. Амартол цитирует это место почти буквально: ισε τοινυν χρηστοτητα και αποτομιαν ϑεου (Б123/13). Итак, в греческом "строгость" — в переводе "усекновение". Этот перевод в редакции XII в. подтвержден и удостоверен вставкой союза: и оусѣкновение[36]. Церковнославянское оусѣкновение значит "отсечение", и в памятниках, насколько можно судить по словарям[37], не выходит за пределы буквального "отсечение головы" или чего-либо подобного. Переносные смыслы для этой лексемы в словарях не отмечены. Каким путем она появилась в переводе? Формальная причина ясна, переводчик пренебрег суффиксом: αποτομια 'строгость' переведено так, как если бы это было однокоренное αποτομη 'отсечение'. Содержательные следствия такой замены оказались

очень большими. Переводчик фактически скорректировал мягкую угрозу этой цитаты в тон контекстного окружения; ведь перед данной цитатой рассказывается о поражении народа за тельца (при Моисее), после нее цитируется одно из самых суровых мест Священного Писания: "Страшно впасть в руки Бога живаго!" (Послание к Евреям, 10.31).

Характер смысловых подмен позволяет заметить, что отношение переводчика к Богу иное, чем у автора "Хроники". Так, в оригинале в нескольких местах говорится об оскорблении Бога — в переводе Богу ни разу не атрибутировано качество "оскорбленный". По-видимому, переводчик подсознательно исходил из того, что Бог не может быть оскорблен.

В греческом тексте "Хроники" цитата из Псалма 68 вводится такими словами: "Божественный же Давид... проклинает (вас) перед оскорбленным (παροινηθεντα) Господом, говоря" (Б389/25), далее цитируется 24 стих Псалма 68: "да помрачатся глаза их" и т.д. В переводе "Хроники" это место звучит так: б(о)ж(ес)твьныи же Д(а)в(и)дъ ... проклинаеть къ древлесоущемоу г(о)с(под)оу гл(агол)я (И220/1). Формальный путь к замене показан на нашей схеме (3 тип): причастие от παροινειν 'оскорблять' переведено так, как если бы оно было родственно наречию παροιθεν 'прежде'. Получился обобщенный эпитет "издревле сущий", подчеркивающий лишь признак извечности Бога и ни к чему не обязывающий. Очень показательно, что всего лишь через несколько листов рукописи это же причастие переведено адекватно: досаженнаго (παροινηεντος (и)ми игоу̑меноу (278/8) Переводчик, видимо, не обратил внимания на то, что "игуменом", т.е."вождем" здесь также поименован Бог (Христос).

Переводчик уклонился от идеи оскорбления Бога и в другом месте. В послании "К Стагирию подвижнику. Слово 2" Иоанн Златоуст[38] противопоставляет благочестивого праотца Ноя его нечестивым соотечественникам: "Среди всеобщей развращенности (παντων διεφθαρμενων) он один угождал Богу, в то время как все остальные оскорбляли (προσκεκρουκοτων) (его)". Так цитирует эту фразу и Амартол. (Б49/10). В интерпретации переводчика получилось: всѣмъ погыбшемъ единъ оугажаше б(ог)у прочимъ (же) всѣмъ истопшимъ (И56/1). Формальный путь к этой смысловой подмене показан на схеме (тип 5); мы считаем, что это свободный перевод, наложившийся на ошибку типа 4; слово προσκρουειν (букв. "спотыкаться") имеет два переносных значения: переходное 'оскорблять' и непереходное 'терпеть неудачу'. В рассматриваемом примере все указывало переводчику именно на второе, неуместное здесь непереходное значение этого глагола: эллипсис дополнения, перфектная форма, невозможность, в глазах переводчика, оскорбления Бога, и, наконец, контекст потопа. Дело в том, что Амартол начинает цитировать это послание с фразы, на которой заканчивается

описание страданий Ноя до потопа, среди нечестивых и легкомысленных людей. После слова προσκεκρουκοτων "оскорбляли" Амартол переходит к картине страданий Ноя во время потопа, так что обе картины сливаются в одну. Поэтому переводчик имел все основания отнести действия διεφθαρμενων и προσκεκρουκοτων к потопу. Отсюда два смысловых сдвига, основанных на неправильном выборе значения многозначного греческого слова: διεφθαρμενων — погыбъшемъ вместо "были развращены", προσκεκρουκοτων — истопъшимъ (через "потерпели неудачу", как конкретизацию неудачи в применении к потопу) вместо "оскорбляли".

На последних двух примерах видно, как искусно уходит переводчик от передачи неуместных, по его мнению, значений, находя для этого в контексте достаточно лингвистических поводов. Мысль о том, что переводчик (сознательно или неосознанно) избегает понятия "оскорбленный Бог", подкрепляется и следующим примером. Фраза "Ведь вы согрешили поистине против самого того Творца и благодетеля, безумные, и оскорбили (παροινησατε) (его)" (Б388/16) переведена так: на самого бо поистинѣ оного творьца и добродѣтеля сгрѣшисте (И268/25). Фрагмента "и оскорбили" просто нет.

Несмотря на подчеркнутую почтительность и страх перед Богом, нашему переводчику, по-видимому, были чужды мотивы крайней христианской экзальтированности, характерные для веков утверждения христианства. Намеки на это можно видеть, например, в следующей подмене. В "Хронике" воспроизводится сюжет из "Церковной истории" Руфина (II.5)[39], относящийся ко времени жестоких гонений на христиан при императоре Валенте (364-378 гг.). Эпарх города Эдессы получил от Валента приказ разогнать христиан, которые, будучи изгнаны из церкви, собирались за пределами города на поле. При этом император оскорбил правителя пощечиной за его мягкость в отношении христиан. Движимый гневом против императора, эпарх (хотя сам был язычником) приказал тайно оповестить христиан о предстоящем избиении и предупредить их, чтобы они не приходили на поле. Однако на следующее утро он увидел, что к месту обычных собраний стекается невиданное количество народа, причем все торопятся, "как будто,— говорит Руфин,— боясь, как бы кто-нибудь смерти не избежал" (απολειφθη) (Б556/16) — таково было стремление христиан пострадать за веру. В переводе это место передано так: и многымъ рано приходити, боящеся да бы ни единъ с(ъ)м(ь)ртию погыблъ (И370/4).

Лингвистический путь к подмене прослеживается здесь следующим образом. Конъюнктив пассивного аориста απολειφθη был сведен не к απολειπομαι 'оставаться в живых', а к απολλυμαι 'погибать'. Глаголы эти — глубинные антонимы, различаются только отрицанием, формы от них часто смешива-

ются переводчиком "Хроники". В данном случае контекст, в котором употреблено это слово, труден для перевода в силу парадоксальности мысли: конструкция "бояться, как бы не" естественно предполагает какое-нибудь опасное для человека действие. Переводчик справился с трудностью в соответствии со своими представлениями о том, что важнее — погибнуть или уцелеть. Не исключено, что здесь сказалось и отношение к христианскому подвигу, характерное для его времени.

Переводчик выглядит более строгим моралистом, когда дело касается христианской этики и поведения.

Более сильным получилось назидание в переводе цитаты из Феодорита (из его "Толкований на 2 Паралипоменон")[40]. У Феодорита и у Амартола: "Зная это, до́лжно избегать с богоненавистными дружбы и родства (συγγενειαν) (Б214/8). В переводе: прилагаеть оубо сия наоучившеся б(ѣг)ати и б(ог)остудныхъ и любыхъ и о(т)поущении (И154/8).

Итак, в греческом — избегать дружбы и родства с теми, кого ненавидит Бог; в переводе — не только избегать с ними дружбы, но и не прощать их. Формально сдвиг основан на смешении συγγενειαν 'родства' со словом συγγνωμην 'прощения', фактически за ним угадывается склонность к более резким суждениям, чем в оригинале. С другой стороны, трудно было бы ожидать от древнего переводчика точного перевода текста, столь неудачно скомпонованного, как этот рассказ об иудейском царе Иоасафате '(873-849 гг.).

В ряде мест переводчик обнаруживает свое представление о христианских добродетелях.

Сюжет о первосвященнике Илии (1 книга Царств, гл.2) дает Амартолу повод для рассуждения на тему о том, как беспечные родители, не слишком строго воспитывающие своих детей, бывают наказаны Богом за прегрешения детей. Амартол приводит обширную выдержку из произведения Иоанна Златоуста "К враждующим против тех, которые привлекаются к монашеской жизни"[41] и вставляет в нее свои мысли: "Видишь, какой страшный гнев и неизбывное наказание обрушилось на весь его (Илия) дом и род, несмотря на то, что в своей жизни он никогда ни в чем не был обвинен и ничего другого не мог Бог вменить в вину старцу, который во всем остальном был безупречен". Фрагмент "в своей жизни он никогда ни в чем не был обвинен" του μεν ιδιου βιου ενεκεν ουδεν ητιαθη ποτε (Б161/23) — это собственная мысль Амартола. Переведена она так: своего жития ради никогда же ничтоже въпроси (И122/18). В основе смысловой подмены "был обвинен" — въпроси лежит этимологическое родство глаголов αιτιασθαι "обвинять" и αιτειν "просить", которые происходят из одного источника, αιτος [42]. Переводчик активизирует связь между этими глаголами, завуалированную разницей значений "просить" и "обвинять". На выбор значения "просить" повлияла, по=видимому, бо́льшая

распространенность глагола αιτειν по сравнению с αιτιαζϑαι (последний, например, вообще не представлен в словаре греческой патристики Lampe). Выбор залогового значения (активное вместо греч. пассивного) — результат переосмысления переводчиком этого места: в оригинале "Хроники" Илий — пример безгреховности: он никогда сам не был ни в чем обвинен, кроме попустительства сыновьям, в переводе Илию ставится в заслугу новое качество — нестяжательность: "он никогда ничего не просил у Бога для себя лично". Так переводчик наделяет библейского Илия новой добродетелью по своему разумению.

Когда речь идет о нехристианских верованиях и учениях, наш переводчик выражает свое отношение к ним словами с отрицательной оценкой, подменяя ими нейтральную лексику.

Осуждая естественнонаучные представления древних греков, Василий Великий (в "Трактате на Шестоднев")[43] говорит, что нет необходимости опровергать их: "они взаимно опровергают друг друга". Так и цитирует Амартол: "довольно ведь им друг друга для собственного опровержения" (ανατροπην) (Б42/19). В переводе это место звучит с явно выраженным осуждением: доволни бо соуть дроугъ дроугоу къ своемоу безънравьствию (И52/18). Ανατροπη 'опровержение' переведено как безънравьствие под влиянием однокоренного τροπος 'нрав', но, как нам кажется, и здесь этимологического родства было мало (это слово с десяток раз переведено в "Хронике" правильно) — нужно было еще неприязненно относиться к нехристианским учениям.

Одна из основных тем, на которые направлен пафос "Хроники" — это обличение всевозможных ересей. В связи с этим Амартол приводит обширную цитату из произведения Феодора Раифского (VII в.) "О воплощении"[44], в котором перечисляются основные положения различных учений внутри раннего христианства. В частности, о Павле Самосатском (II в.) говорится: "Он богохульствовал, что Господь — обыкновенный человек, в которого, как в каждого из пророков, вселилось Божье Слово, и что поэтому в Христе — два естества, разделенных и не сообщающихся друг с другом: одно — это сам Христос, а другое — вселившееся в него Божье Слово". Фрагмент "он богохульствовал, что Господь — обыкновенный человек" ψιλον ανϑρωπον ειναι τον κυριον εδυσφημησεν (Б4770/5) переведен так: высока соуща ч(е)л(о)в(ѣ)ка г(оспод)а хоульствовавъ (И322/5). В основе такого перевода лежит смешение омофонов ψιλος "простой, обыкновенный" и ψηλος (разг.) "высокий", что свидетельствует, с одной стороны, о хорошем знании переводчиком разговорного греческого языка своего времени, а с другой — о полнейшем незнакомстве с содержанием одной из основных ересей, отрицавших единосущность Христа. Таким образом, древнерусский читатель "Хроники" не мог составить себе представление о взглядах Павла Самосатского. В недоуме-

нии были и справщики второй редакции (XII в.): они исправили высока   невысока[45], в чем как будто интуитивно приблизились к исходному смыслу.

Итак, анализ материала смысловых подмен позволяет сделать некоторые заключения о личности древнего переводчика "Хроники" Георгия Амартола.

Переводчик предстает перед нами как человек, хорошо владеющий живым разговорным греческим языком своего времени. Значения слов известны ему не из книг, а из живой речи — при переводе многозначных слов он выбирает современные ему значения. Ему ближе звуковой облик слов в современном ему произношении, чем их графический вид — при переводе он смешивает слова, которые в древности писались (и произносились) по-разному, а в его время стали произноситься одинаково или похоже. Скорее всего, греческий текст воспринимался им на слух (чтец читал вслух греческий текст, а переводчик диктовал свой перевод писцам).

Переводчик не выглядит начитанным в произведениях византийской богословской и учительной литературы — смысл цитат из произведений патристики зачастую претерпевает под его пером значительные изменения. То же самое можно сказать и о тексте Священного Писания.

Славянорусский перевод "Хроники" Георгия Амартола свидетельствует об очень личном, эмоциональном отношении древнего переводчика к описываемому материалу: Бога он представляет более грозным, пороки осуждает более решительно, в перевод вносит свое понимание добродетелей и свое отношение к христианскому подвигу. Видно, что со многими популярными в средневековой Византии сюжетами (например, с рассказом о переписке эдесского правителя Авгаря с Христом), а также с основными положениями наиболее распространенных ересей он сталкивается впервые и потому предлагает древнерусскому читателю не адекватный перевод соответствующих мест "Хроники", а скорее свою их интерпретацию — зачастую весьма далекую от оригинала.

Адекватный перевод такого сложного, разнообразного по своему содержанию произведения, как "Хроника" Георгия Амартола, требовал бы от древнего книжника свободного владения всем комплексом понятий византийской церковной литературы. Однако несмотря на то, что переводчик не владел в полном объеме этими понятиями, он проявил незаурядное остроумие и изобретательность, передавая содержание оригинала согласно своему разумению, следуя при всем этом пословному принципу.

Таковы были первые шаги на пути приобщения древнерусской культуры к богатейшей византийской культурной традиции.

[1] См.: Hunger H. Hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. S. 347.

[2] См.: Подобедова О.И. Отражение византийских иллюстрированных хроник в Тверском (Троицком) списке Хроники Георгия Амартола // Actes de XIVe Congres International des Etudes Byzantines. Bucarest. Ed. Academiei Rep. soc. Romania. 1974. S. 377. См. также: Франклин С. К вопросу о времени и месте перевода Хроники Георгия Амартола на славянский язык // Труды отдела древнерусской литературы. XLI. Л., Наука, Лен.отд. 1988 / Под ред. Д.С.Лихачева. С. 324-330.

[3] Истрин В.М. Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. I-III. Т. I. (Пг., 1922) — славянорусский текст "Хроники": Т. II (Пг., 1923) — "Исследование", греческие параллели, отсутствующие в издании де Боора, выдержки из древнерусских хронографов, использовавших "Хронику"; Т. III (Л., 1930) — "Предисловие", словарь греческо-славянских и славяно-греческих текстовых соответствий.

[4] О списках, обнаруженных в последние десятилетия, см.: Творогов О.В. Находки в области древнерусской хронографии // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974. М., 1975. С. 26; Он же. Древнерусские хронографы. М., 1975. С. 98-110. См. также сообщения О.А.Князевской в материалах Археографической комиссии: Князевская О.А. № 1736. Хроника Георгия Амартола. Отрывок ГБЛ. Муз. 10277. 22 л. пергамент // Предварительный список славянорусских рукописных книг, хранящихся в СССР. № 72. Начало XV в. М.: АН СССР, 1986. Она же. Хроника Георгия Амартола. НБ. Гос. Эрмитажа, кабинет редкостей. Рк.7, № 265577/1967 // Рукописные книги XIII=XIV вв., не вошедшие в Приложения к Предварительному списку...

[5] Georgii monachi Chronicon, ed. C.de Boor. Leipzig, 1904. А также: Georgii monachi Chronicon, ed. C.de Boor. Ed. stereotypa ed. anni 1904. Corr. / cur. Peter Wirth. Stuttgart, 1978. Vol. 1-2.

[6] Истрин В.М. Книгы временьныя..., Т. II. С. 1-73.

[7] Истрин В.М. Книгы временьныя..., Т. II. С. 251-258.

[8] Истрин В.М. Книгы временьныя..., Т. II. С. 157.

[9] Ягич И.В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь, ноябрь в церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095-1096 гг. СПб., 1886 С. 89. Из современных авторов см., например, Момина М.А. Греческие разночтения в славянских гимнографических текстах // Византийский временник. Т. 44. 1983. С. 133-134.

[10] Eligius Dekkers (Belgie). Les authographes des Peres latins // Colligere Fragmenta. Festschrift Alban Dold. Beuzon. 1952. P. 127-139.

[11] Сошлемся на авторитет А.А.Алексеева, который обращает внимание на возможность ошибок переводчика при восприятии текста на слух, приводя соответствующую литературу. А.А.Алексеев считает это обстоятельство более важным, чем путаница в греческом. См.: Алексеев А.А. К истории русской переводческой школы XIII в. // ТОДРЛ, XLI, Л., 1988. С. 154-196.

[12] Рукопись ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Соф. 202. Служба 6 мая, песнь 6, богородичен. Л. 23 об.

[13] Рукопись греческой минеи XII в.: Минея на весь год. Из собрания Порфирия Успенского. Хранится в ГПБ (Ленинград), шифр Греч. 227. В 4-х тт. Т. 3. Л. 74 об.[a].

[14] Рукопись греческой минеи XIV в.: Минея на март-август. Из собрания Антонина Капустина. Хранится в ГПБ, шифр Греч. 552. Л. 95 об.[a].

[15] Eusebii Caesariensis Historia Ecclesiastica // Die Griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte. Leipzig. 1903-1908.

16 Экзегеты обращают внимание на противопоставление "рабы" (дохристиане) — "сыны Божии" в Посл. св. апостола Павла к Галатам 4.7, а также "рабы"-"друзья" в Евангелии от Иоанна 15.15. См.: Толковая Библия, или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завѣта. СПб., 1911-1913. См. также: Толкование новозаветных посланий и Книги Откровения. Далласская Теологическая Семинария. 1983. Пер. с англ. Изд-во РЕИ и СМИ, 1989.

17 Истрин В.М. Книги временьныя..., Т. II. С. 417.

18 Цит. по: Истрин В.М. Книги временьныя..., Т. II. С. 92. Строка 25.

19 Истрин В.М. Книги временьныя..., Т. II. С. 157.

20 Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). München, Verlag Otto Sagner. 1987. S. 34.

21 Chantraine P. Dictionnaire etymologique de la langue greque. T. 1. Paris, 1968. P. 296.

22 Lampe G.W.H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford. 1952. P. 387.

23 Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I-III. СПб., 1893-1903. Фототипическое переиздание. М., 1958. Handwörterbuch zu den Altkirchenslavischen texten. Von L.Sadnik und R.Altzetmller.— Gravenhage. Mouton & Co. 1955. 341 S. Slovnik jazyka staroslovenskoho. Lexikon linguae paleoslovenicae. Hlav. red. Zoe Hauptova. Praha. Academia. V. 1-43 (A-T). 1966-1990. F.von Miklosich. Lexicon Palaeoslovenico — Graeco — Latinum. Emendatum auctum. 2. Neudruck der Ausgabe Wien 1862-65. Scientia Verlag Aalen. 1977. Словарь русского языка XI-XVII вв. М., Наука, 1975-1990. Вып. 1-16 (от А до П).

24 Щеголева Л.И. Славянский перевод и византийский литературный текст // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 1. М., 1989. С. 80.

25 Ioannis Chrysostomi Homilia in Ps. 135 // Patrologia Graeca. T. 5. Col. 390.

26 Liddel H.G., Scott R. A Greek — English Lexicon. Oxford. Vol. II. 1936. P. 1729.

27 Lampe G.W.H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford. 1952. P. 1343.

28 Sophocles E.A. Greek Lexicon of Roman and Byzantine Periods. New York, Charles Scribner's sons. 1900. P. 1056.

29 Pseudo-Dionysii Areopagitae De ecclesiastica Hierarchia VI. 1.3. // Patrologia Graeca. T. 3. Paris. 1957. Col. 532C.

30 Pseudo-Dionysii Areopagitae De coelesti Hierarchia 6.2. // Patrologia Graeca. T. 3. Paris. 1957. Col. 200D.

31 Истрин В.М. Книги временьныя..., Т. II. С. 157.

32 Первый глагол этой цитаты λαμβανω наст. вр. "беру" (так и по Септуагинте) не очень ясен. Можно предположить здесь какую-то смысловую тонкость в переводе с еврейского (не отраженную, впрочем, в Масоретском тексте Библии, где употреблен глагол со значением "забуду, оставлю", как нам подсказала Е.М.Сморгунова). Обратим внимание на стих 33 этой же главы: в нем звучит антитеза: "вы — бремя (λημμα , от λαμβανω) и Я сброшу (ραξω — буд.вр.) вас". Нет ли той же антитезы и в стихе 39: "так как я беру (λαμβανω — наст.вр.) (вас на себя), я и сбрасываю (ρασσω — наст.вр.) вас"?

33 Словарь Шантрена указывает на контаминацию ρασσω и ρηγνυμι (последнее этимологически связано с русск. разить/резать). См.: Chantraine P. Dictionaire etymologique...T. 4, Paris, 1977. P. 967-968.

34 Liddel H.G., Scott R. A Greek — English Lexicon. Oxford. Vol. II. 1936. P. 1565.

35 Библиа сиречь книгы ветхаго и новаго завѣта по языку словенску. Фототипическое переиздание текста с издания 1581 г. М.-Л., Слово-Арт, 1988.

36 Истрин В.М. Книги временьныя..., Т. I. С. 99. Подстрочные комментарии к строке 12.

[37] См. сноску 23.

[38] Ioannis Chrysostomi Adhortationes ad Stagyrium a daemone vexatum // Patrologia Graeca. T. 47. Col. 454.

[39] Rufini Tyrannii Aquileiensis Historia ecclesiastica. 11.5. // Patrologia Latina. T. 21. Col. 513-514.

[40] Theodoreti Cyrrhensis Quaestiones in II Paral. // Patrologia Graeca. T. 80. Col. 832C.

[41] Ioannis Chrysostomi Adversus oppugnatores vitae monasticae III. 3. // Patrologia Graeca. T. 47. Col. 352.

[42] Chantraine P. Dictionaire etymologique...T. I, Paris, 1968. P. 41.

[43] Basilii Caesariensis Homilia in Hexaemeron 1 // Patrologia Graeca. T. 29. Col. 8A.

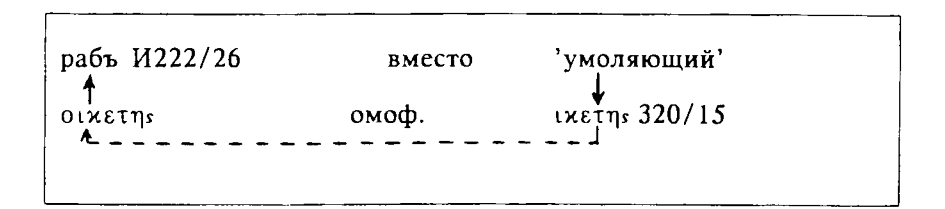
[44] Theodori Rhaithuensis Liber de incarnatione. Cp. 2 // Patrologia Graeca. T. 91. Col. 1485C.

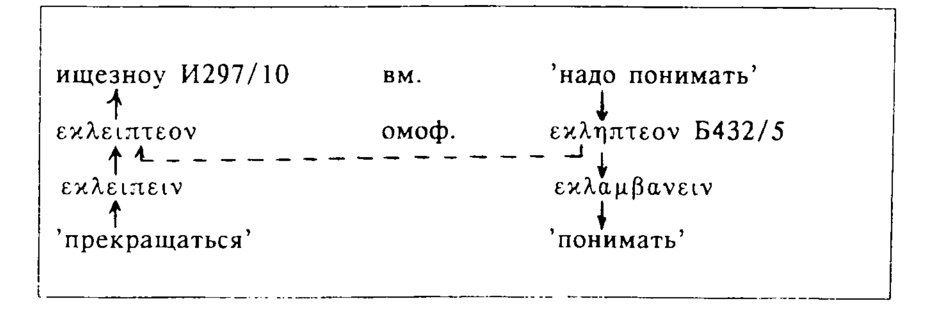
[45] Истрин В.М. Книгы временьныя..., Т. I. С. 322. Подстрочные комментарии к строке 5.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Типы смысловых отклонений перевода с точки зрения лингвистических механизмов

Первый тип: текстовые подмены



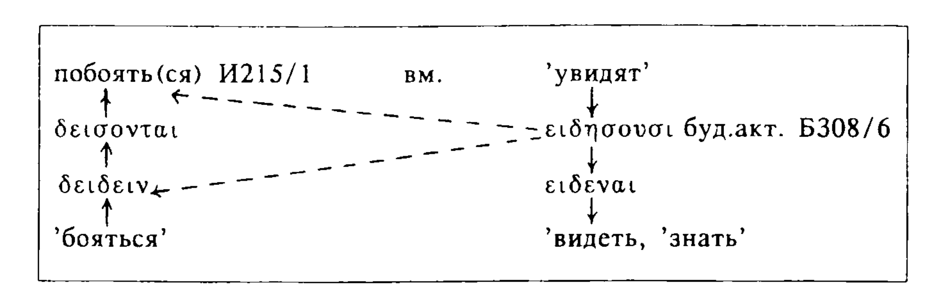


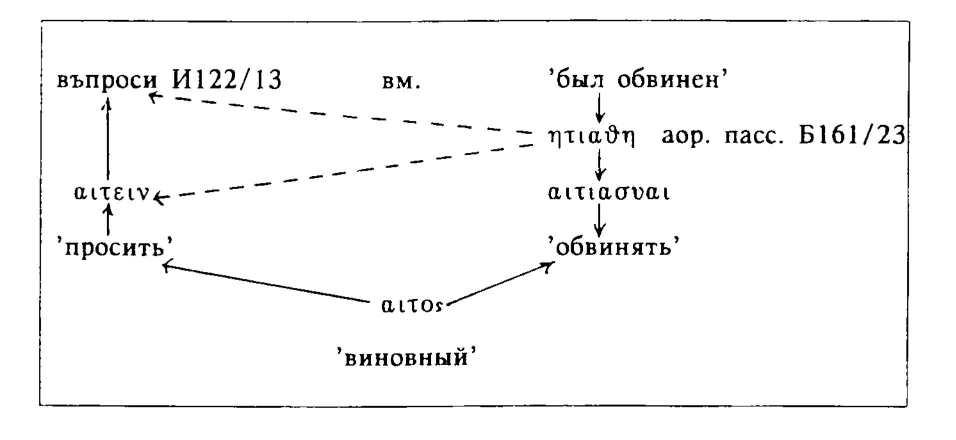
высока И322/5	вм.	'простого'
↑		↓
(υ)ψηλον	омоф.	ψιλον (вин.) Б470/12

безаконие И60/5	вм.	'безумие'
↑		↓
παρανομια	похожи	παρανοια 58/5

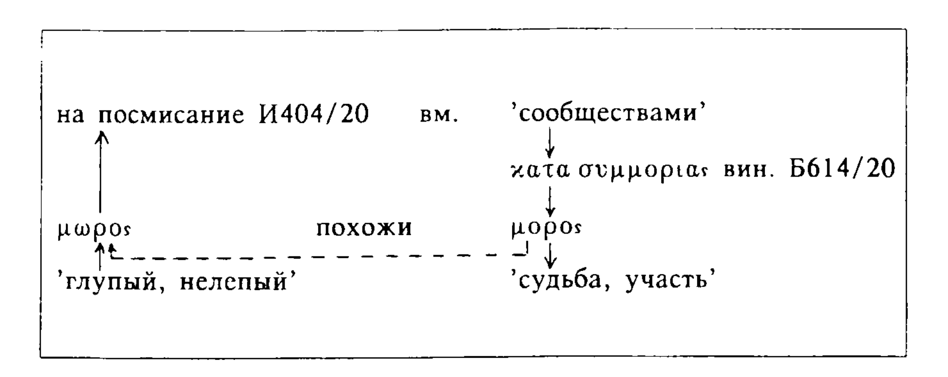
имьже не И296/13	вм.	'осла'
↑		↓
ον ου	неправ. членен.	ονου Б431/3

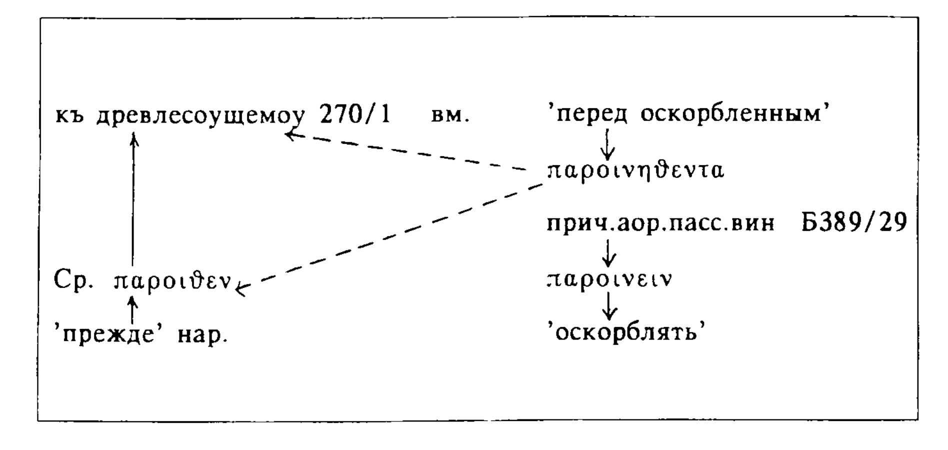
Второй тип: ошибки в узнавании глагола



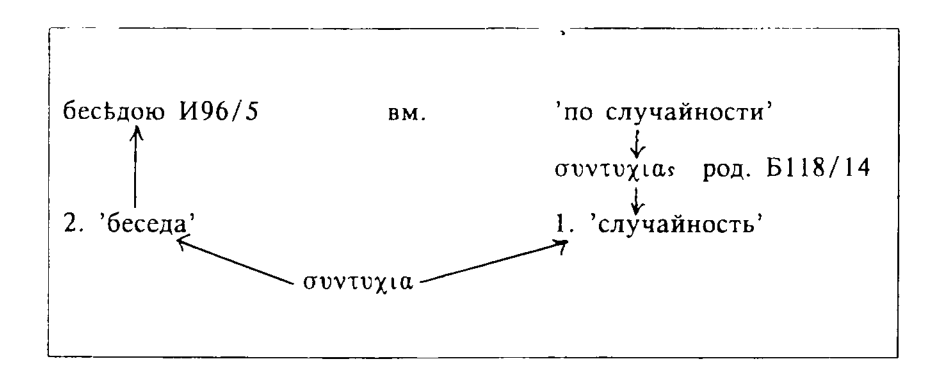


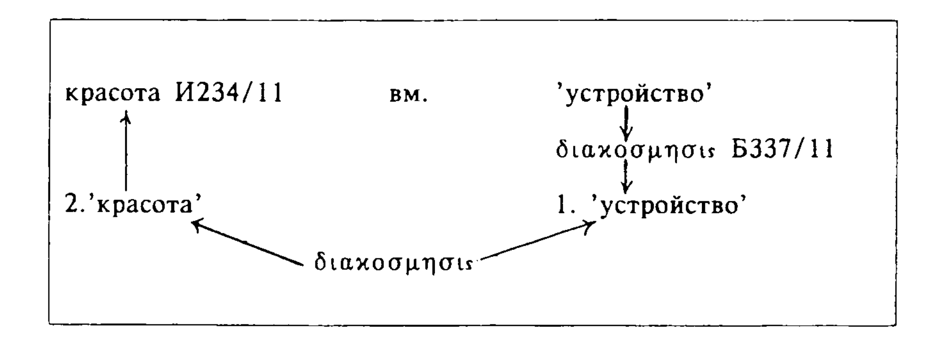
Третий тип: ложные этимологии

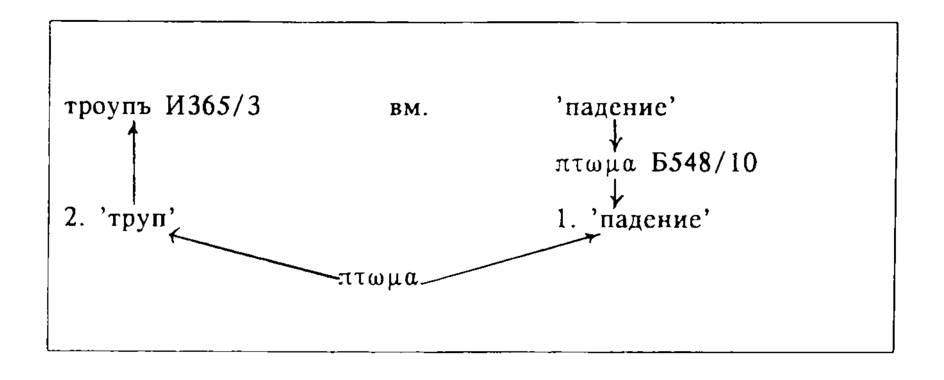




Четвертый тип: подмена значения многозначного слова







Пятый тип: логический вывод

истопъшимъ И56/1	вм.	'оскорбляли'
↑		↓
'потерпели неудачу'		προσκεκρουκοτων
↑		|
		прич. перф.род. Б49/10
		↓
неперех. 'терпеть неудачу'		перех. 'оскорблять'
↖	προσκρουειν	↗

Шестой тип: грамматически необходимые вставки

противенъ *събороу*	вм.	'враждебных
быхъ И359/7		мы узнали (козни)'
↑		↓
εγενομην	похожи	εγνωμεν Б538/3
↑		↓
γι(γ)νεσθαι		γι(γ)νωσκειν
↑		↓
'становиться, делаться'		'узнавать'